

Социологическое наследие: документы, публикации

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Р.А. ОРБЕЛИ

«Дети! Храните себя от идолов» [1 Посл. Иоанна, 5. 21]

Проблема социального лидерства, социальных групп с точки зрения мотивации поведения людей, обусловленности их социальной деятельности определенными должными, а именно, христианскими началами — центральная в концепции христианской социологии, как христократии у Орбели. Согласно Н.А. Бердяеву, точно определившему значение этого понятия, христианская социология — это «требование, чтобы христианский мир осуществлял социальную правду» [1, с. 246].

Отметим следующие актуальные и по сей день положения концепции Орбели. Сейчас очевидно, что и в социальной, и в политической, и в культурной, и в экономической жизни есть, выражаясь языком Орбели, «суеверы и суестрахи», которые оплакивают сами не знают что. Не зная ничего и ничего не пережив, они всюду суются и что-то защищают. Прозелиты в этом плане особенно активны. Активны и утопические иллюзионисты, идеологи «царства светлого будущего на земле», которое «всегда завтра», не ставящие свои концепции на «камень жизни». Но дело не в книжности, вернее не только в ней. Главная задача социальной концепции — укрепление мужественного отношения человека уже сегодня в жизни со всеми ее невзгодами, социальными изменениями, катастрофами, т.е. воспитание характера.

Для этого необходимо воспитание характера социального субъекта, а не «возня с прежними грехами» — это центральная идея Орбели. Правда, он не объясняет, как можно влить новое вино в старые мехи или покупать новую мебель и ремонтировать дом, не наведя в нем порядка и не выкинув того, что представляется рухлядью. Видимо, все это внутренне подразумевается в выдвигаемых им положениях о четком осознании духовных принципов социального общения. Последние основаны на духовной экономике как разумном ведении внутренних и внешних (в том числе и социальных) дел, жизни, «правильном расходовании богатств и сбережении ценностей».

Именно от бесхарактерности, считает Орбели, невзгоды русского народа, именно она создавала и создает о нем ложное впечатление в глазах иностранцев.

При установлении всякого «нового преемства», в том числе и социального, по мнению Орбели, очень важно видеть связь времен, соотношение и взаимное сродство социально-исторического опыта и идеала. Почему, пишет он, стала возможна революция, повреждение, перелом в сознании, переход от одного уклада к другому в России, «массовое оставление и забвение Бога»? Потому, что произошла утеря личной ответственности, следующей из примера «Петра-камня» перед Богом. Орбели не одинок в этом утверждении — оно характерно и даже составляет капитальную черту русской религиозной философии христианского реализма или богоматериализма (определение Н.А. Бердяева). Об этом же писали и С.Л. Франк, и Н.А. Бердяев (см. например, его работу «Философия свободы»), С.Н. Булгаков. Но не так подробно и не в таком ключе. Орбели же дает наиболее определенную и четкую

Сейчас эти сюжеты активно и все шире разрабатываются в новейшей и распространенной (особенно в Германии и Великобритании) отрасли зарубежной социологии — «фигуративной» (образной) социологии Н. Элиаса, (См.: Социологический реализм и проблема онтологического обоснования социальной науки («круглый стол» редакции) // Социол. исслед. 1990. N 9. С. 49—59) однако делается это, в основном, в советском, «мировом» аспектах.

прорисовку основных возможных сюжетов, следствий в самых разных, подчас неожиданных областях человеческой жизни, а главное — в социальной.

В русском православии «дан путь обожествления человеческой природы изнутри. Но обожествление это совершается в жизни святых, в святые церкви, в старчестве; оно не переносится на путь истории в общественность, не связано с волей и властью» [2, с. 250]. Социальность доктрины православия не выражена, есть социализованность его институтов — тот культ «иерархии», который во многом не приемлем для Орбели.

В Европе же, согласно Орбели, была личная «автократическая» ответственность католицизма в лице Папы или личная «индивидуалистическая» — в протестантизме. «На Западе, — писал Бердяев, — в католичестве, сильнее творчество, в этом великая правда Запада. В католичестве нет подлинного, изнутри идущего обожествления человеческой природы, но есть обожествление человека извне в папизме. Этим исторически объясняется самообожествление человека в гуманизме» [2, с. 250]. То есть идолопоклонство и очень часто идолопоклонство механически-мещанское, социальное.

В России же соборность. Но это — «не живая соборность взаимного служения и общественной заботы о каждом, не сознание каждым своей ответственности за все дело Божие на земле, за весь план Спасения; за скорое пришествие Его царства, а всеобщая размазня, принимающая временами и местами характер классовой самозащиты». А иначе как вообще могли бы состояться все состоявшиеся социальные потрясения?

Где тот камень, т.е. социальный характер, на котором основываться человеку против всеобщей социальной сумятицы и разногласия убеждений? Вот вопрос Орбели, значимый как никогда и для нашего современника. Автор делает вывод: социально-психологические, социально-религиозные корни общественных потрясений, революции — в народе, в его отпадении от Бога, выразившемся в утере личной ответственности перед Ним. Если исходить из «внешних причин», «заговоров», «влиятельных», «социальной среды», т.е. всего того, что «извне» — то ничего понять невозможно. Чтобы поддаться «влиятельным» нужно уже заранее иметь к этому предрасположенность, «червоточину». А следствием утери личной ответственности перед Богом становится утеря личной ответственности человека перед человеком, перед жизнью вообще, перед обществом, людьми, перед самим собой.

Вот что писал в этой связи Н.А. Бердяев: «Страдание потому так страшно, что оно всегда есть знак того, что в мире совершалось преступление. Нельзя ответственность за страдание и зло возлагать на других, на внешние силы, на власть, на социальные неравенства, на те или иные классы: ответственны мы сами, как свободные сыны; наша греховность и наше творческое бессилие порождают дурную власть и социальные несправедливости, и ничего не улучшается от одной внешней перемены власти и условий жизни» [2, с. 189]. Отсюда, продолжает эту мысль С.Л. Франк, вытекает конкретное уяснение того основного вывода, который «в отвлеченной форме есть общая социологическая аксиома: преодолеть революцию и низвергнуть установленную ею власть сможет лишь тот, кто сумеет овладеть ее внутренними силами и направить их по разумному пути. Лишь тот, кто сумеет — как это в свое время сумели большевики — найти опорную точку для своих стремлений в стремлениях и верованиях народных масс, кто в глазах народа явится осуществлением его чаяний и надежд, кто сумеет вопреки слепым и бездумным силам революции и в борьбе с ними, в известном смысле все же разумно осуществить саму историческую тенденцию революции — лишь тот сможет победоносно осуществить и свои собственные политические идеалы» [3, с. 218].

Ему вторят современные авторы, например, [4, 5]. Щербина, правда, более склонен увязывать отпадение не с верой в Бога, а с уничтожением уважения к собственности. Но это, по Орбели, следствие, а не причина. Ясно, если нет уважения к Духовному человеку как к образу и подобию Бога, т.е. к Богу, то нет уважения и к земному человеку, его собственности, нравам, среде обитания — все это ни к чему.

«Братья, не будьте рабами человека» — нарушение этого завета Спасителя, согласно Орбели, и привело Россию к трагедии. Какой же выход? Нужен «кооперативный духовный эконо́м» небесного хозяина — Соборный Петр как выражение социального характера народа и его лидеров. В России же «монархия съела церковь» и началось это «от Владимира

Снятого» [6]. Это, кстати, предостережение современным монархистам. «Вы проситесь под покровительство. Вы просите Сатану позволить вам ему поклониться. Он имеется.» Вот почему, согласно Орбели, «самоопределение народа — сатанинская аберрация» И далее, вслед за Чаадаевым, и подобно Бердяеву, Орбели задается вопросом: «Соборная русская церковь, где твоя соборность — в человекоугоднической иерархии или в деле и слове Петра, а кресте?» Истинный же, согласно Орбели, социальный лидер, «истинный народный герой всегда сознательный или бессознательный христианин». Он отображает в себе предвечный духовный закон Бытия — подчинение своей воли Высшей воле. Чистота совести, свобода от предвзятости, отсутствие личных целей — такова психика и дух человека, на которых может построиться здание народного благополучия, т.е. христианская социология. Для этого в социальном познании и в социальной практике необходима не проповедь индивидуализма, а индивидуализация проповеди.

В. И. Шамиурин

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев И.А. Самопознание. М.: Междунар. отношения, 1990.
2. Бердяев И.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989.
3. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. С. 207—233.
4. Щербина В.В. Новая революция — старый опыт // Социол. исслед. 1991. N 6.
5. Давыдов Ю.Н. Горькие истины «Вех» // Социол. исслед. 1990. N 10; 1991. N 1. 6. Булгаков С.Н. У стен Херсониса // Там же. 1991. N 1. С. 120.